

Воспоминания о послевоенной жизни в Эссо – маленьком селе, затерянном в горах Камчатки

К моменту образования 12 августа 1926 года Быстринского района села Эссо не было. Данное населенное место было названо Хуксычан (Уксичан). Состояло оно из двух стойбищ с населением 42 человека. Некоторое время роль райцентра исполнял пос. Козыревск, расположенный далеко за пределами района. Решено было перенести центр в с. Анавай, в котором тогда было несколько эвенских зимников. В будущем Эссо к этому времени уже были медпункт, школа, ветпункт.

В целях укрепления новой административной единицы, 16 апреля 1932 года вышло постановление Камчатского окрисполкома «Об организации Быстринского и Алеутского национальных районов». В этом же году 20 октября президиум Камчатского окрисполкома постановил: «Принимая во внимание, что вокруг строящихся в Быстринском эвенском национальном районе больницы, школы, интерната, ветпункта образовался поселок как районный центр, просить крайисполком возбудить ходатайство перед ВЦИК об утверждении этого поселка и присвоении ему наименования Эссо».

20 октября 1932 года считается датой образования села Эссо. В этом году селу исполняется 90 лет.

Предлагаем читателям воспоминания Натальи Петровны Сычёвой об Эссо послевоенных годов.

Для Натальи Петровны Эссо – родное, любимое село. Вся ее жизнь, жизнь детей связана с ним. Наталья Петровна собрала большой материал об истории, развитии села. В ее личном архиве много интересных фотографий. Некоторые из них публиковались в районной газете «Новая жизнь» в разные годы.

Сегодня Наталья Петровна находится на заслуженном отдыхе, но продолжает принимать активное участие в жизни села и района, является председателем общественного совета при администрации Быстринского муниципального района. Очень любит путешествовать по России, побывала и в некоторых странах мира.

Зима казалась бесконечной

Мне давно хотелось рассказать о жизни нашего села после войны, в 1950-е и 1960-е годы. 50-е годы особенное впечатление у меня оставили: казалось, что село почти всегда (кроме короткого лета) жило в темноте. Зима была какой-то очень длинной. Как я поняла позже, это ощущение сложилось, потому что электричества не было. Свет (свечки или керосиновые лампы) зажигали утром и вечером при крайней необходимости, когда шли домашние работы: надо было печку затопить и что-то по хозяйству сделать. Свет шел от свечек и был очень сумеречный. Мы по селу бегали, играли допоздна, но всё это в потемках, без уличного освещения. И сейчас для меня зима очень светлая. В детстве мне казалось, что идет бесконечная, темная зима...

Окна в домах были одинарные. Двойных рам не было ни у кого. Стекло очень дорогое было и трудно было его заменить. Оно было привозное: через Крапивную, на лошадях доставляли грузы в Эссо. Зимой, чтобы окна не так замерзали, и дома теплее было, подвешивали с наружной стороны (со стороны улицы) матрасовки, у кого маленькие окна. Это мешки или матрасы, набитые сеном или оленьей шерстью. У нас и матрасы в домах были набиты оленьей шерстью. Очень мягкие, почти перина. Стригли оленей, набивали матрасы, но от них очень много было трухи. И вот набитые этой оленьей шерстью такие матрасовки висели под окнами. Хотя в какой-то степени утепляли квартиры, но они еще больше увеличивали потемки внутри домов.

В поисках лучшей доли

Люди в район приезжали и уезжали порой довольно часто. Специалисты, которые приезжали в Эссо по распределению, должны были минимум три года отработать после получения дипломов. Им выделялось жилье. Простые работники: конюхи, уборщицы, санитарки, нянечки, – очень часто менялись. Откуда они появлялись, куда уезжали? Кто-то напоминался, кто-то оставался в памяти лю-

Улица Терешковой. Дом на переднем плане стоял напротив здания бывшей школы, где сейчас находится администрация района. Этого дома давно нет.

дей. Кто-то бесследно исчезал, потому что люди искали лучшей доли. Многие, конечно, на Камчатку приезжали на заработки и, в основном, на побережье, где были рыбоперерабатывающие заводы. Во время путны они для консервов рыбу на этих заводах обрабатывали. На Камчатке было много заводов по выпуску консервов. Но некоторые семьи добирались и до нас. Я запомнила семью Ромаевых. Мне кажется, что они были цыгане. Черные, длинные косы у женщин. И отец их был тоже такой черный. Помню, что он очень жестоко бил свою жену. Косы наматывал на руку и головой об стенку. Попали они в барак, где учителя жили – учительский барак. Это бывший первый интернат. На месте этого здания сейчас рынок. В бараке были большие комнаты. Жили не только учителя; если были свободные комнаты, то отдавали тем работникам, которые обслуживали школу.

Истопники жили, уборщицы. Очень много было в Эссо истопников, которые и в больнице, и в администрации, и во всех других учреждениях работали – топили печи. Этот мужчина работал истопником, а мать и старшая дочь убирали в школе. Он так их истязал, что я это запомнила. Отец наш не выдерживал. Шёл разнимать, успокаивать, а потом утром оказывался виноватым. Дебошира забирали в милицию, а жена бежала утром в милицию и утверждала, что это Кузнецов пришел к ним и устроил скандал. Они очень боялись потерять работу или остаться без главы семьи. Отношения тогда были жестокие. Женщин тогда много били и детей тоже. В России это принято было, по-моему, и сейчас это есть.

Почти каждая семья держала корову

Дома тогда строили небольшие, потому что средств не было. Потом надо было обогреть эти дома. Приходилось ставить печку, чтобы было и

Часть улицы Ленина. На заднем плане – здание администрации.

тепло, и какое-то место оставалось для жизни семьи. Хорошо помню дом Макаровой Зинаиды Владимировны. Она у нас была почтальоном. У нее было пять мальчишек и одна девочка, моя ровесница. Домик был маленький, на бугре, где сейчас лестница к садику. Муж у нее рано погиб во время рыбалки на реке Камчатка. Она поднимала эту семью одна. И такие семьи, где было много детей, держали коров, держали кур.

Если говорить о коровах, то именно семья моего отца сюда по конной тропе привела в Эссо коров из Ключей. Коровы были здесь диковиной, и даже замечка была, как Егор Ефимович Банаканов вспоминает, что Петр Георгиевич Кузнецов привел сюда корову. Все смотрели на это рогатое животное и ду-

мали: рога есть, но не олень, и еще молоко дает. Позже коровы были почти в каждой семье, потому что совхоза или колхоза в Эссо не было. Поэтому те, кто не имел коров, покупали молоко у частных. Даже наша семья: мама – учительница, которая работала в две смены в школе, отец – в бухгалтерии, – держала корову, потому что в семье было четверо детей и надо было нас кормить. На одной картошке, хлебе и капусте не прокормишь семью. Это было очень большое подспорье. Поэтому, помимо картофеля, еще сеяли турнепс для прокорма коров – это было очень важно. Даже помню, когда посуду мыли, то всё обмывали без моющих средств, сливали в отдельное ведро, и это шло на поило для коровы. Все остатки еды шли в ход.

Сейчас мы очень много говорим об экологии и о том, как много от нас остается мусора. А нас дома очень строго учили. Не знаю, во всех семьях это было или нет, но наша мама придерживалась четкого разделения мусора: всё, что горит, даже картофельную кожуру, – в печь; всё, что годно в пищу скотине, собиралось и варилось отдельно; то, что не утилизировалось, обжигалось и закапывалось, включая жестяные банки из-под тушенки и колбасного фарша. Вот такое было у нас безотходное производство. Помойки были, конечно, потому что и полы мыли и белье стирали. Воду не просто выплескивали на улицу. Около уличных туалетов вырывалась яма. На эту яму клалась решетка и сверху был ящик, куда выливались все помои и выбрасывался мусор. Когда ящик набирался доверху, эту крышку открывали, весь мусор выгребали и выво-

зду ягоду в трехлитровом бидончике. Нас, подростков, трое было, получалось, почти ведро за раз приносили. Засыпаешь в бочку бидончик ягоды, сверху сахар, и еще бидончик жимолости. Просто сахаром пересыпали, и зимой так ягода и хранилась. Потом идешь, ножичком долбишь и ешь с ледком. Варили кисели и компоты. Брусники не было, потому что близко от Эссо брусники очень мало. Это уже когда техника появилась и дорога, стали за брусничкой ездить в сторону Крапивной.

Зимой основной пищей была оленина, летом – рыба

Оленину покупали только в магазине. Когда забой оленей проходил в сильные морозы, то мясо сдавали сразу в рыбокооп. В рыбокоопе в горе, где сейчас коммунхоз, был огромный ледник, и туда эти туши складывали. Практически, пока стоял холод, мы покупали это мясо. В этом леднике мясо хранилось до мая, потом мясо портилось. У нас в это время начинался немножко голодный период. Тогда мы больше всего запасались тушенкой в магазине и варили всё с тушенкой, потому что мяса летом уже не было, и все ждали рыбу.

И когда рыба начинала подниматься вверх по рекам, и по нашей реке Уксичан в том числе, то первая рыба – это запах по всей деревне. Все жарили – у кого вкуснее. Зайдешь в один дом – там поел, пошел – у себя поел. Варили уху, но рыба очень быстро приедалась. Я и сейчас жду только первой рыбы, а потом мне уже как-то неинтересно. Есть люди, которые очень любят рыбу.

На нашей речке прямо в поселке стояли в 1930-1940-х годах запоры для рыбы. Запор – это перегородка через реку, как забор. В промежутках делали свободный проход, и туда вставлялась ловушка-корзина, которая называлась «морда». В эти «морды» рыба, видя проход, устремлялась, а выйти из них уже не могла. Человек сверху вытаскивал из этой ловушки-корзины рыбу, бил ее колотушкой по голове и сажал ее на кукан – это такая специальная длинная ветка. Потом вытаскивал на берег, где рыбу уже пластали. Пластали, разрезая до хвоста, чтобы она не развалилась. Все заборы у нас в детстве были увешаны этой рыбой. Рыба вялилась. Таким образом готовили юколу, потому что очень много было нарт и ездовых собак. На охоту ездили, в табуны ездили.

В зимнее время собачья упряжка была главным средством передвижения. Поэтому этой юколы нужно было готовить очень много. Легкая и очень питательная пища и для собак, и для каюров. Ее можно было много взять с собой. Я читала, что в годы, когда мало рыбы подходило к берегам Камчатки, начинался мор. И собаки, и люди от рыбы зависели. Очень важно было приготовить рыбу. Местное население ведь не только юколу готовило. Оно же еще рыбу квасило. Рыба была одной из важных составляющих нашей пищи.

Продолжение следует.

Воспоминания о послевоенной жизни в Эссо – маленьком селе, затерянном в горах Камчатки

(Продолжение. Начало в № 42 (6561), 15 октября 2022 г.)

Средства передвижения – лошади и собачьи упряжки

По сравнению с современностью, животных было больше. Многие держали коров, кур, позднее – свиней. Были лошади, собаки для передвижения и охоты. Но надо сказать, что собак, свободно бегающих по селу, почти не было. Собачьи упряжки держали за селом. Это были очень злые собаки. Это сейчас их обнимают, а тогда они были злые. Мы, если видели, что охотник едет на упряжке, бежали врассыпную с дороги, чтобы только не достала собака. Потому что собаки прямо кидались на людей. Поэтому у меня такого умильного отношения так и не сложилось по отношению к собакам, особенно ездовым. Во-первых, их мало кормили, держали на привязи, и у собаки была собачья жизнь. Постепенно, когда появился транспорт, и особенно снегоходы в 1980-е годы, то это уже совсем другая жизнь и история.

Лошадей тоже было очень много. Это был основной транспорт. Рыбкооп содержал большое количество лошадей, до тридцати голов. Их содержали в конюшне на улице Лесная. Сена надо было заготавливать очень много. Заготавливали и в Эссо, потому что здесь лошадей содержали, но они проделывали путь до Крапивной в течение трех дней. В Анавгае должны были быть запасы сена, на сороковом километре у Кававли, на двадцатом километре и на Крапивной. Еще и овсом кормили. Его завозили. В каждой организации были лошади: в больнице, школе, райисполкоме, райкоме партии. Работникам этих организаций надо было в командировки ездить и проверять, как выполняются решения партии и правительства. Были ставки конюхов.

Очень ценились печники и истопники

Истопники – это особая статья. Если запил истопник, то страдали многие. Мы в школу приходим, а классы холодные. Это истопник пришел утром еле живой, едва растопил печи, а мы уже идем в школу – класс не прогревался. Часто мы сидели в классе в пальто и в фуфайках, нахохленные и замерзшие. Это очень важно было, чтобы работники относились добросовестно к своим обязанностям. В таких учреждениях, в том числе, и в школе, в каждом классе стояла печка, сложенная из кирпича. Буржуйка быстро бы обогрела, но все печи были кирпичные с обогревателями. Это большое искусство – сложить печь. Печник на селе очень ценился. Были печники не очень хорошие, сложенные ими печи дымили или плохо растапливались. Хороший печник – и печка золотая.

На каждый праздник мы белили класс, так как дым из печки шел и оседал на стенах. В квартирах то же самое было.

Перед 7 ноября всегда генеральная уборка и побелка проводились в домах и на предприятиях. Готовились к большому празднику. Тогда же всё стиралось и чистое вешалось. Потом к Новому году мы опять белили и к Первому мая.

При каждом доме складывались поленницы дров. У нерадивых хозяев дрова просто сваливались в кучу и их порой откапывали прямо из-под снега. Но очень важным было количество дров, заготовленных на зиму. Я знаю по своей семье, что у

нас всё очень строго было. Завезенные по осени дрова были сырыми. Их крупно кололи и складывали ровно в поленницу. Была отдельная поленница, которая уже отлежалась и была сухой. Из нее всегда брали на растопку. Были семьи, которые дрова бросали в печку прямо с возу – не сушили их должным образом. Такие дрова еще надо было наколоть. Придет глава семьи с работы и еще колет дрова, а они сырые. Попробуй, растопи эту печь. Надо же не просто растопить, но и согреться, и сварить ужин.

Хорошие хозяева вставали очень рано. Во-первых, надо было покормить скотину. Во-вторых, топили печь. У нас родители старались в пять часов встать, затопить печь, приготовить завтрак и сразу обед и ужин. У нас печка успевала протопливаться, и они успевали закрыть задвижку. Мы приходили на обед, и у нас всё стояло на плите горячее. Мы завтракали вместе, а обедали, кто когда возвращался из школы или

работы. Но некоторые семьи приходили домой, где было холодно и голодно. Всё это было очень важно.

Заготовкой сена занимались все

Много требовалось сена, которое за короткое лето заготавливали. В нашей семье коровы не было, когда мы подросли. Мы брали три литра молока у другой хозяйки. И летом мы ходили на покосы к своим друзьям. А отец нас брал на покос в организацию, где он работал, в долину реку Улавкавчан. Там на покосе мужчины жили несколько дней, а нас брали, когда уже надо было сгребать сено. И даже семьи, с которыми отец дружил, помогали в уборке сена. Детей посылали родители, чтобы они не бездельничали, а на покосе помогали. Даже разговоров не было. Не только нас родители посылали, но мы и сами изъявляли такое желание. У нас была принята взаимовыручка. Потом зимой вывозили это сено на санях. Помню, мы с подружкой поехали с возчиком за сеном. Везли его из-под скалы смерти. Уже стемнело. Сено сложили в большой воз. Залезли наверх и едем, смотрим на звездное небо, и вдруг на крутом повороте сани накренились, и мы вместе с сеном вывалились в снег. Нам было смешно, а возчику было трудно. Опять заново нужно было всё собрать и погрузить.

Село было от края Нагорной (несколько домов на пригорке), на Мостовой село закачивалось. Был через речку мост, потому что ходили на термальные ключи. А за речкой были поля, там уже вырубил лес. Это было ровное место. По свидетельству старожил, на этих полях за речкой в войну даже табак сеяли для мужчин, кто курил, и на фронт

посылали. Климат был более континентальный, потому что вокруг было много леса. Лето было очень жаркое и душное. Ветра было мало. Комаров была туча, и хотелось, чтобы хоть чуть-чуть подул ветер. Я это хорошо помню.

Пытались рожь сеять, но не получилось. Где улица Комсомольская и вторая школа, там были покосы. Дальше к ключам были картофельные поля. На месте микрорайона Солнечный тоже были огороды, частные и рыбооповские.

За дикоросы можно было приобрести дефицитный товар

Несколько слов о заготовках. Я уже говорила, что мы заготавливали ягоду. Это было в августе. Весной, как только снег сходил, появлялась первая черемша. Тогда в каждом доме были специальные хозяйственные сумочки, похоже, что из кирзы сделанные. Мы с этими сумками бегали по склонам сопки в сторону

третьего километра, искали черемшу. Набирали невысокую черемшу в окрестностях села. Приносили ее домой, перебирали. У нас в семье черемшу сушили, потому что репчатый лук тогда не завозили. Многие черемшу солили. Наша мама не любила соленую черемшу из-за резкого запаха. Еще мы сдавали эту черемшу в рыбкооп. Причем мы это все бойко делали, потому что там за черемшу и другие дары природы нам начисляли какие-то "трудодни". Всё взвешивалось, писалась фамилия и сколько было сдано. Вёлся специальный список. Когда мы ходили по ягоды, то вначале запасали полную бочку дома, у нас – восьмиведерную. В семьях, где больше детей и было голоднее, могло быть и две бочки с ягодами. А дальше мы начинали бегать, собирать ягоды и сдавать в рыбкооп. Во-первых, мы деньги получали. Во-вторых, когда привозили много хорошего промтовара (тогда это был дефицит), это играло роль при распределении дефицита. Занималась очередь. Всю ночь женщины стояли в очередях. Там могли привезти одежду: кофточки, еще что-то. В очереди ночью стоять надо было конкретно, а не просто занять, что я за тобой, а сам пошел спать. Тот, кто что-то сдавал, и у него набиралось количество баллов, мог купить дефицит. Причем решал это не продавец, а была «лавочная комиссия». Эта лавочная комиссия (в нее часто входила моя мама) собиралась и решала. Смотрели, кто и что и сколько сдал. Какие товары и как распределить по заработанным баллам. Кому отпустить кофточку, кому что-нибудь другое. После уже эти товары отпускали.

Продолжение следует.

Воспоминания о послевоенной жизни в Эссо – маленьком селе, затерянном в горах Камчатки

(Окончание. Начало в № 42 (6561), 15 октября 2022 г.; в № 43 (6562), 22 октября 2022 г.)

Своими руками мастерили мебель, шили одежду

Я сейчас рассказываю о 1950-х годах и начале 1960-х.

Первый комбинат бытового обслуживания (КБО) начали строить в середине 1960-х на месте магазина «Островок» (Советская, 15). Там и появились первые швеи. Как же решался вопрос с одеждой в 1950-х годах?

Сразу в послевоенное время, если судить по фотографиям, у детей на ногах были ичиги. Это летняя обувь из выделанной оленьей шкуры, почти замши. Но она была шершавая, не очень мягкая. Какие-то пузырями штанишки были на детях. Вся одежда в скудном ассортименте привозилась, но особого искусства среди женщин: шить и вязать – не было. Но шили. В деревнях женщины шили незамысловатую одежду. Просто клали ткань и по старой одежде выкраивали. Машинки швейные были у многих женщин. Но когда хотелось что-то пошить качественно, то обращались к специалистам.

Мама наша очень хорошо шила. Всё она у нас умела, и к ней очень многие ходили. И надо отдать ей должное, хотя она и суровая женщина была, она и учителям шила, и нас одевала как с картинки, поэтому наша семья и считалась какой-то особенной. Она очень старалась и хотела, чтобы дети её были хорошо одеты. Брату она и пиджачок, как мужской, в детстве сшила, и тубетечка на нем. У нас платьица с кружевами. Это ей сёстры из Москвы присылали. Она туда им посылала деньги, а обратно они слали пошивочный материал. Из своих старых пальто она нам перешивала пальто, но обязательно сделает с вышивкой. Так же и другие женщины шили. Распарывали старое, перешивали детям. Одежду брали на вырост. И помню, отец говорил (у них так было принято в деревнях в Сибири): «Что ты им шьешь? Шей платье до пола. Потом будут расти и когда-нибудь станет коротким». Мы начинали кричать, что не будем носить платье до полу. Но мама делала складки на платьях, и многие женщины делали складки. И когда дитя вырастало, то одну складку отпускали.

Очень бедно одевались, и, в

основном, был ситец. Но сейчас ситец – экологически чистый продукт. А у нас ситцевые ткани были основными, потом больше стало появляться более разнообразной мануфактуры (так тогда говорили) на полках магазина. И женщин и девушек учили шить. Причем, этим тоже занималась наша мама.

Она вела в школе кружок домоводства. Ей выделили одну комнату. У нас было распределено дежурство. Затапливали печь и перед этим составляли меню. Обговаривали, что будем готовить, и моя мама учила нас готовить. Например, рисовую кашу и кисель должны были сварить дежурные. Все уже шить начинают, а мы стоим у печки, которая уже разгорелась, варим кашу и кисель. Потом садимся и все вместе едим. В основном шили платья. В первой половине 1960-х в школе каждую субботу был тематический вечер и танцы. Вечер готовил какой-нибудь класс с учителем. И мы старались к этому вечеру сшить новую обновку. У мамы были журналы мод, и мы в новых платьях модничали друг перед другом.

Кухонную посуду люди везли с собой, когда переселялись или приезжали в Эссо. Я рассказывала, что семья отца, которая сюда приехала в 1930-е годы, с собой привезла фарфоровую посуду из Сибири. Конечно, в основном были кружки металлические, эмалированные. Посуду привозили и к ней очень бережно относились. То, что семья нашего отца сюда привезла: кофейник, кувшин, супница (она была с трещинами, но мы ее не выбрасывали и складывали в нее яйца, когда ходили в курятник), – в семье берегли.

Мебель тоже была проблемой. Но в нашей семье отец был плотник-столяр. Он столько мебели переделал, и она расходилась по всей деревне: детские кроватки, столы, стулья – всё это делалось вручную. Кто-то сам делал, грубо сколачивая. Мама раздавала мебель. Дети подрастали, и все эти кроватки уходили. Когда у меня родилась первая дочь (1970), мебель еще не завозили. У нас не было кровати, и мы начали искать по селу. Первая кровать, которую мы нашли, была из металлических загнутых прутьев, очень удобная и невысокая. Оказалось,

что это кровать родителей моего мужа. Они свою первую дочь из Усть-Камчатска везли в этой кровати. Люди друг другу всё передавали и делились. А потом я увидела у кого-то кровать, в которой мы выросли.

Столов работы моего отца много в селе. В комнате, где мы в бараке жили, у нас стоял большущий стол. Так, видимо, принято было в больших семьях. Но не бедных семьях. Бедные скученно жили. У нас был большой полукруглый стол, и, как говорила моя мама, на слоновьих ножках – увесистые ножки и загнутые, как копыта. Мы всей семьей усаживались вокруг этого стола.

Еще про одежду. Появились потом еще женщины, которые шили. Приезжали молодые специалисты: в школу, в больницу, в администрацию, на ветстанцию, в сельское хозяйство. Каждый что-то привозил. Тут и шляпки появились, и шубки. Всё это можно увидеть на фотографиях. Но, в основном, валенки зимой на ногах. Когда в апреле тает хорошо, то резиновые и кирзовые сапоги носили. Сначала все ходили в ботинках в школу: и девочки, и мальчики. Потом, когда я была в седьмом классе, появились первые туфли.

Жизнь была ключом, несмотря на трудности

Вот так жили люди в нашем селе в далекие 50-е годы 20-го столетия. Хотя и жили в основном скудно, но культурная жизнь в селе была ключом. Застрельщиками в этом были работники культуры и учителя. Концерты, спектакли, гулянья на стадионе, начиная с 1 мая. Многие активно участвовали в подготовке мероприятий, большая часть была активными зрителями. О нас, малышне, тоже не забывали. Ко всем праздникам с детьми готовили концерты. С неохваченными дошкольным воспитанием ребятами женщины из женсовета готовили незатейливые выступления. И все концерты были в клубе!

В школьном возрасте этим уже занимались учителя. Наступал день праздника, скажем, 1 Мая. День начинался с демонстрации и митинга на площади около клуба. Сразу после демонстрации младшие школь-

ники шли в клуб на праздничный утренник, а взрослые усаживались зрителями. Мы пели хором песни, декламировали стихи, плясали простенькие танцы, ставили сценки. После концерта мы выстраивались в зале колоннами (по классам), и нам раздавали подарки. Как мы ждали этих подарков! Заходя в классы мы делали из газет кульки для подарков, что-то рисовали плохими цветными карандашами, чтобы они выглядели красивее. В подарки нам раскладывали то, что успевали привезти в рыбкооп. Конфет почти не было, зато однажды нам полные кульки насыпали арахис в скорлупе. На тот момент ничего другого на складах рыбкоопа не оказалось. А нам и это было в радость – диковинные орешки в скорлупе. Всё село потом долго было в этой скорлупе. На другой год к Новому году как-то умудрились в морозы завести мандарины. Опять диковинный фрукт-продукт!

Сцена из спектакля по роману М.Ю. Лермонтова "Герой нашего времени". Игруют ученики 10-го класса. В роли Грушницкого – Валерий Анисимов, в роли Печорина – Петр Сычёв. 1963 год.

Теперь уже село было завалено шкурками от мандаринов. Это были такие яркие моменты в нашей детской жизни, что остались навсегда в памяти. Это была радость.

Теперь вернёмся немного назад. После малышей клуб заполняли пионеры. Стулья в зале расставлялись вдоль стен, а пионеры выстраивались на торжественную линейку со вносом знамени под звук барабана и хриплые звуки горна (не помню, чтобы хоть кто-то из горнистов чисто, звонко играл). Потом каждый отряд сдавал рапорт председателю совета дружины (и мне два года удалось побыть на этой значимой долж-

ности). А дальше в одном и том же порядке перед нами выступали первый секретарь РК КПСС, потом РК ВЛКСМ, потом какой-нибудь бывший пионер что-то поучительное нам говорил. Заканчивались выступления призывом старшей пионервожатой: «Пионеры! К борьбе за дело Ленина и Коммунистической партии будьте готовы!» На что мы дружно выкрикивали: «Всегда готовы!» – и облегчённо вздыхали, так как уставали стоять смирно, выслушивая все поучительно-однообразные речи. Стулья в зале быстро расставлялись на место, и начинался концерт учеников средних классов, в конце которого опять каждому вручался долгожданный подарок.

Вечером наступала очередь старшеклассников. Опять концерт, подарки, а потом... танцы! Долгожданные танцы в зале клуба. Играла радиолка, и все танцевали. Наши матери сидели на стульях в нише и внимательно наблюдали, кто с кем

и сколько раз танцевал. Потом всё замеченное долго обсуждалось. Ох, как мы не любили этих взрослых, зорко наблюдающих за нами. У нас уже завязывались свои отношения, симпатии, нежность, влюбленность. Это было трепетное время нашей юной души, и нам не хотелось, чтобы досужие кумушки обсуждали нас. Удивительное, романтическое время, которое больше всего сохраняет наша память.

Выражаю благодарность Д.В. Киричевскому за помощь.

Н. Сычёва.